

Оноре де Бальзак

Вотрен

Перевод с французского
Евгения Гунста

ФТМ

Оноре Бальзак

Вотрен

«ФТМ»

Бальзак О. д.

Вотрен / О. д. Бальзак — «ФТМ»,

Пьеса посвящена разоблачению ложной, лицемерной аристократической морали. Автор наделяет Вотрена чертами, которые роднят его с героями романтических драм. Вотрен не лишен таинственности, он располагает большой властью, ибо у него в подчинении преступный мир, но эту власть он применяет для доброго дела: он всею душой предан своему воспитаннику – отвергнутому сыну герцога де Монсореля – и делает все возможное, чтобы он был счастлив. Ради него Вотрен жертвует и собственным благополучием.

Содержание

Действие первое	6
Явление первое	7
Явление второе	9
Явление третье	10
Явление четвертое	11
Явление пятое	12
Явление шестое	14
Явление седьмое	15
Явление восьмое	16
Явление девятое	18
Явление десятое	20
Действие второе	21
Явление первое	22
Явление второе	23
Явление третье	24
Явление четвертое	25
Явление пятое	28
Явление шестое	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Оноре де Бальзак

Вотрен

Драма в пяти действиях

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Жак Коллен, именуемый **Вотреном**.

Герцог де Монсорель.

Герцогиня Луиза, урожденная де Водре, его жена.

Маркиз Альбер де Монсорель, сын герцога.

Мадемуазель де Водре, тетка герцогини.

Рауль де Фрескас.

Герцогиня де Кристоваль.

Инесса де Кристоваль, принцесса Архосская, ее дочь.

Шарль Блонде, именуемый кавалером де Сен-Шарлем.

Франсуа Каде по прозвищу **Философ**, кучер.

Шелковинка, повар.

Бютэ, привратник.

Филипп Буляр, именуемый **Ляфураем**.

Жозеф Бонне, камердинер герцогини де Монсорель.

Фелисите, ее камеристка.

Полицейский комиссар.

Слуги, жандармы.

Действие происходит в Париже в 1816 году, после вторичного возвращения Бурбонов¹.

¹ ...после вторичного возвращения Бурбонов. – Людовик XVIII вернулся в Париж после разгрома наполеоновской армии при Ватерлоо в июне 1815 года.

Действие первое

Гостиная в особняке Монсорелей.

Явление первое

Герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Герцогиня де Монсорель. Вы дожидались меня? Как вы добры!

Де Водре. Что с вами, Луиза? Целых двадцать лет мы с вами проливаем вместе слезы, и вот впервые я вижу вас радостной. Всякий, кто вас знает, был бы потрясен не меньше меня.

Герцогиня де Монсорель. Трудно сдержать такую радость! Вы делили все мои муки, вы поймете и мой восторг: у меня блеснула искра надежды.

Де Водре. Вы напали на след вашего сына?

Герцогиня де Монсорель. Он найден!

Де Водре. Не может быть! Но подумайте только, на какую страшную пытку вы обрекаете себя, если вдруг окажется, что его уже нет в живых?

Герцогиня де Монсорель. Тетя, умерший ребенок навеки похоронен в сердце матери; но ребенок, которого у нее похитили, вечно живет в ее сердце!

Де Водре. Тише, нас могут услышать!

Герцогиня де Монсорель. Ах, мне все равно! Я начинаю новую жизнь и чувствую себя достаточно сильной, чтобы противиться тирании герцога.

Де Водре. Но почему, проплакав целых двадцать лет, вы вдруг обрели надежду?

Герцогиня де Монсорель. Это больше чем надежда. Когда кончился прием у короля, я поехала к испанскому послу; он хотел познакомить меня с госпожой де Кристоваль. Там я встретила юношу, который похож на меня как две капли воды; у него мой голос, моя осанка! Я потому так поздно и вернулась, что просто не могла подняться с места, не могла уехать, пока он не уехал.

Де Водре. И вы загорелись надеждой на основании таких слабых примет?

Герцогиня де Монсорель. Для матери первое бессознательное чувство – самое верное доказательство. Когда я увидела его, перед моими глазами прошло словно пламя, его взгляд воскресил во мне жизнь, и я почувствовала себя счастливой. Словом, если он не мой сын, значит, это безрассудная страсть.

Де Водре. А в таком случае вы погубите себя.

Герцогиня де Монсорель. Что ж поделаешь! За нами, вероятно, наблюдали; но меня влекла непреодолимая сила; я видела только его, мне хотелось, чтобы он заговорил со мною. И он со мною говорил, и я узнала, сколько ему лет: ему двадцать три года, столько же, сколько Фернану.

Де Водре. А герцог тоже там был?

Герцогиня де Монсорель. Ну, могла ли я думать о муже? Я слушала, как этот юноша разговаривал с Инессой. Мне кажется, они влюблены друг в друга.

Де Водре. Инесса, невеста маркиза, вашего младшего сына? И неужели вы думаете, что герцог не был поражен тем, как вы отнеслись к сопернику его сына?

Герцогиня де Монсорель. Вы правы, только теперь я поняла, какая опасность грозит Фернану. Но довольно, а то я проговорю о нем хоть до рассвета. Вы сами его увидите. Я пригласила его к себе и назначила время, когда герцог бывает у короля. Мы расспросим юношу о его детстве.

Де Водре. Вы так не уснете; успокойтесь, молю вас. И прежде всего отпустите Фелисите, она не привыкла ложиться так поздно. *(Звонит.)*

Фелисите. Его светлость и маркиз изволили прибыть.

Герцогиня де Монсорель. Сколько раз я говорила вам, Фелисите, никогда не докладывайте мне о том, что происходит на половине герцога. Можете идти.

Фелисите уходит.

Де Водре. Мне больно лишать вас надежды, ведь лишить вас ее значило бы отнять у вас радость, но вы сейчас вознеслись на такую высоту, что падение будет ужасно. Низвергаясь с вершин, душа разбивается, как и тело, и – позвольте мне быть откровенной – я просто трепещу за вас.

Герцогиня де Монсорель. Вас страшит мое отчаяние, а меня – моя радость.

Де Водре (*смотрит вслед уходящей герцогине*). Если окажется, что она ошиблась, она может лишиться рассудка.

Герцогиня де Монсорель (*возвращаясь*). Тетя, Фернана зовут Рауль де Фрескас.

Явление второе

Де Водре одна.

Де Водре. Она не сознает, что только чудо может вернуть ей сына. Все матери верят в чудо. Надо следить за каждым ее шагом. Один взгляд, одно неосторожное слово может ее погубить... Если она права, если бог возвратил ей сына, она идет навстречу катастрофе, еще более ужасной, нежели разочарование, а разочарование, увы, неизбежно! Хотя бы она сдерживалась при горничных!

Явление третье

Де Водре и Фелисите.

Де Водре. Уже?

Фелисите. Да, ее светлость уже отослали меня.

Де Водре. Герцогиня не дала вам никаких распоряжений на утро?

Фелисите. Нет, сударыня.

Де Водре. Ко мне сюда, около двенадцати, придет молодой человек, господин Рауль де Фрескас. Он, быть может, спросит герцогиню. Предупредите Жозефа: пусть он проводит господина де Фрескаса прямо ко мне. *(Уходит.)*

Явление четвертое

Фелисите одна.

Фелисите. Молодой человек – и к ней? Нет, уж простите. Так я и знала, что барыня уединяется не зря. Богатая, красивая, герцог ее не любит; первый раз выехала в свет, а вот уже на другой день к ней является молодой человек, и его, видите ли, желает принять мадемуазель де Водре. Ну и люди – ничего у них не вытянешь: ни признаний, ни барышей. Если таково будет положение горничных при нынешнем правительстве, уж и не знаю, право, что у нас из этого выйдет.

На мгновение отворяется боковая дверь; видны двое мужчин.

Впрочем, посмотрим, что это за молодой человек. *(Уходит.)*

Явление пятое

Жозеф и Вотрен.

Входит Вотрен; на нем пальто светло-коричневого цвета, с меховым воротником, на черной подкладке. У него вид посланника, приехавшего на званый вечер.

Жозеф. Проклятая девка! Чуть не попались...

Вотрен. То есть *ты* чуть не попался? Вот как! Значит, ты очень боишься, как бы опять не свихнуться? Видно, наслаждаешься здесь душевным покоем?

Жозеф. Право же, при нынешних обстоятельствах выгоднее быть честным.

Вотрен. А ты понимаешь, что такое честность?

Жозеф. Ну как же! С честностью и здешним жалованьем прожить можно – вот я и доволен.

Вотрен. Я тебя, голубчик, насквозь вижу. Берешь помалу, да часто, копишь потихоньку, а она, честность-то, ведь не мешает ссужать денежки под грабительский процент. Ты не согласишься, до чего мне приятно видеть старого знакомого, который достиг столь почетного положения. Что ж, тебе это под силу, у тебя ведь только мелкие недостатки, – а это уже половина добродетели. А вот у меня были пороки... и я вспоминаю о них с грустью... Все на свете проходит! Теперь не осталось ничего. Одни только опасности и борьба. Так вот и живешь, словно индеец, затравленный врагами, и защищаешь свой скальп.

Жозеф. А мой?

Вотрен. Твой? Да, правда! Что бы здесь ни случилось – вот тебе слово Жака Коллена: ты не будешь замешан. Зато беспрекословно подчиняйся мне – во всем.

Жозеф. Во всем? Но как же...

Вотрен. Устава нашего не знаешь? Если выпадает какая неприятная работенка – у меня найдутся друзья, верные, старинные. Давно ты здесь?

Жозеф. Герцогиня наняла меня в камердинеры, когда отправлялась в Гент², я пользуюсь доверием ее светлости.

Вотрен. Это мне на руку. Я хочу получить кое-какие сведения о Монсореях. Что тебе о них известно?

Жозеф. Ничего.

Вотрен. У аристократов доверие никогда дальше этого не идет. А что ты сам обнаружил?

Жозеф. Ничего.

Вотрен (*в сторону*). Он становится уж чересчур честным. Но, быть может, ему только кажется, что он ничего не знает? Стоит поговорить с человеком минут пять – и всегда что-нибудь да выведаешь. (*Вслух.*) Где мы находимся?

Жозеф. У герцогини. Покои герцога – внизу. Единственный их сын, маркиз, помещается наверху; его комнаты выходят во двор.

Вотрен. Я велел тебе сделать слепки со всех замков в кабинете герцога. Где они?

Жозеф (*нерешительно*). Вот.

Вотрен. Всякий раз, когда мне понадобится прийти сюда, я буду ставить мелом крестик на садовой калитке, а ты каждый вечер ходи смотреть – нет ли креста. Люди здесь живут добродетельные, петли на калитке порядком заржавели. Людовик Восемнадцатый – это вам

² ...когда отправлялась в Гент. – Во время «Ста дней» Людовик XVIII и его приближенные жили в бельгийском городе Генте.

не Людовик Пятнадцатый. Прощай, голубчик; будущей ночью я приду. *(В сторону.)* Схожу проведать наших во дворце Кристовалей.

Жозеф *(в сторону)*. С тех пор как этот черт меня разыскал, я сам не свой. Ни минуты покоя!

Вотрен *(возвращается)*. Так ты говоришь, герцог не живет с женою?

Жозеф. Уже двадцать лет как в ссоре.

Вотрен. А из-за чего?

Жозеф. Даже сын их, и тот не знает.

Вотрен. А твоего предшественника за что уволили?

Жозеф. Не знаю, я его и в глаза не видал. Они водворились здесь недавно, после вторичного возвращения короля.

Вотрен. Вот они, преимущества теперешнего общества: нет больше связи между господами и слугами, нет больше привязанности, а следовательно, невозможно и предательство. *(Жозефу.)* А за столом говорят друг другу колкости?

Жозеф. При людях – никогда.

Вотрен. А как вы в лакейской о них судите?

Жозеф. Герцогиня – та святая.

Вотрен. Бедняжка! Ну, а герцог?

Жозеф. Эгоист.

Вотрен. Ничего не поделаешь – государственный деятель. *(В сторону.)* У герцога должны быть тайны, заглянем-ка в его карты! У всякого вельможи имеются какие-нибудь страстишки, нужно только уметь ими пользоваться; и будь герцог у меня в руках, его сыну волей-неволей придется... *(Жозефу.)* А что говорят насчет свадьбы де Монсореля с Инессой де Кристоваль?

Жозеф. Ничего не говорят. Видно, герцогиню это мало интересует.

Вотрен. А ведь у нее один-единственный сын. Странно.

Жозеф. Между нами говоря, мне кажется, она его не любит.

Вотрен. Эти сведения пришлось вытягивать из тебя, как пробку из бутылки бордоского. Есть, значит, какая-то тайна в этом доме? Мать, герцогиня де Монсорель, и не любит своего сына, единственного своего сына! А кто ее духовник?

Жозеф. Это нам неизвестно.

Вотрен. Хорошо. Разузнаю сам. Тайны – как девушки: чем строже их оберегают, тем легче их похитить. Я выставлю двух своих молодых дозорными в церкви святого Фомы Аквинского: они займутся там не спасением души, а... кое-чем другим. Прощай.

Явление шестое

Жозеф один.

Жозеф. Старый приятель, а что на свете хуже старого приятеля? Из-за него я лишусь места! Ах, если бы я не боялся, что Жак Коллен отравит меня как собаку – а от него можно чего хочешь ожидать, – я все открыл бы герцогу. Но в нашем подлом мире всяк за себя. Я не намерен ни за кого платить головой. Пусть герцог сам разбирается с Жаком, я и пальцем не пошевелю. Что за шум? Герцогиня встала. Что с ней приключилось? А ну-ка подслушаем.

Явление седьмое

Герцогиня де Монсорель одна.

Герцогиня де Монсорель. Куда бы спрятать метрику о рождении моего сына? *(Читает.)* «Валенсия... июля... дня тысяча семьсот девяносто третий год». Злополучный город, по крайней мере для меня! Да, Фернан родился через семь месяцев после свадьбы, и эта роковая случайность оправдывает гнусные обвинения. Попрошу тетю, чтобы она носила этот документ при себе, пока я его не спрячу в надежное место. У себя хранить бумаги я боюсь: герцог может приказать, чтобы в мое отсутствие перерыли все мои вещи; он распоряжается полицией по своему усмотрению. Человеку, который в милости у короля, ни в чем не отказывают. Если Жозеф заметит, что я в такой поздний час направилась к тете, завтра же весь дом об этом заговорит... Ах, одна в целом мире, одна против всех, вечная узница в собственном доме!

Явление восьмое

Герцогиня де Монсорель и мадемуазель де Водре.

Герцогиня де Монсорель. Вам тоже не спится?

Де Водре. Луиза! Дитя мое! Я вернулась, потому что мне все-таки хочется рассеять вашу мечту, ведь пробуждение будет для вас гибельным. Мой долг вырвать вас из-под власти безрассудных мыслей. Чем больше я думаю над вашими словами, тем больше жалею вас. И я должна вам сказать жестокую истину: герцог, несомненно, поместил Фернана в столь низкую среду, что искать его в тех кругах, где вращаетесь вы, бессмысленно. Юноша, которого вы встретили, не может быть вашим сыном.

Герцогиня де Монсорель. Ах, вы не знаете Фернана! А я его знаю: где бы он ни находился – он живет во мне. Я видела его тысячи раз...

Де Водре. Во сне.

Герцогиня де Монсорель. В жилах Фернана течет кровь Монсорелей и де Водре. Он сумеет собственными силами завоевать себе то место, которое подобает ему по рождению. Где бы он ни появился, ему уступают дорогу. Если он был простым солдатом – ныне он уже полковник. Мой сын горд, красив, его любят. Я уверена, что все его любят. Не разубеждайте меня, тетя! Фернан жив. В противном случае герцог нарушил слово дворянина, а он слишком высоко ценит честь своего рода, чтобы изменить ей.

Де Водре. Но ведь однажды поруганная честь мужа и жажда мести восторжествовали у него над великодушием дворянина!

Герцогиня де Монсорель. Ах, не говорите так, слушать вас страшно!

Де Водре. Луиза, вы же знаете, до какой степени Монсорели гордятся своим родом; это у них в крови, как у Мортмаров – остроумие.

Герцогиня де Монсорель. Увы! Мне это слишком хорошо известно. Усомнившись в законности сына, он потерял рассудок.

Де Водре. Нет! У герцога – пылкое сердце и холодный ум. Люди подобного склада действуют не задумываясь, лишь только дело коснется чувств, которыми они живут.

Герцогиня де Монсорель. Но вы ведь знаете, тетя, какой ценой я купила у него жизнь Фернана. Я достаточно дорого заплатила, чтобы не опасаться за его жизнь. Настаивать на своей невинности – значило обречь его на верную смерть, и ради спасения сына я пожертвовала честью. Каждая мать поступила бы так же. Вы оставались хранительницей моего имущества, а я жила одна в чужих краях – беспомощная, во власти страшных тревог... Мне не с кем было посоветоваться, я потеряла голову. Только потом я поняла, что он не привел бы своих угроз в исполнение. Принося такую жертву, я знала, что Фернан будет обречен на одинокое, нищенское существование, в неведомой стране, под чужим именем; но зато я знала, что он останется в живых и в один прекрасный день я его разыщу, хотя бы мне пришлось перевернуть для этого весь мир. Я приехала сейчас такая радостная, даже забыла передать вам метрику Фернана, которую испанский посол наконец затребовал для меня. Носите ее при себе до тех пор, пока я не передам ее нашему духовнику.

Де Водре. Герцог, вероятно, уже знает о ваших хлопотах, – и тогда горе вашему сыну! Вернувшись домой, он прошел прямо к себе в кабинет и все еще занимается там.

Герцогиня де Монсорель. Если я скину с себя позор, которым он пытался заклеить меня, если я перестану лить втихомолку слезы, – поверьте, тогда меня ничто не сможет сломить. Я уже не в Испании, не в Англии, я уже не во власти дипломата, хитрого, как тигр, который с первого дня эмиграции следил за каждым моим взглядом, за каждым моим жестом, подслушивал каждое мое слово и даже молчание, который читал мои мысли в самых зата-

енных уголках души; там он окружил меня шпионами, словно невидимой железной сетью; там он превратил каждого моего слугу в неумолимого тюремщика и держал меня узницей в самой страшной из всех тюрем – в собственном доме. Теперь я во Франции, я снова с вами, у меня придворное звание, я могу обратиться к самому королю. Я узнаю, что случилось с виконтом де Ланжаком, я докажу, что после десятого августа³ мы с ним не могли видеться, я расскажу королю, какое преступление совершил герцог по отношению к своему сыну, к наследнику двух славных фамилий! Я женщина, я герцогиня де Монсорель, и я мать! Мы богаты, мы пользуемся советами достойного пастыря, за нас – право, и если я потребовала документ о рождении моего сына...

³ *Десятого августа.* – В 1792 году в этот день Людовик XVI был низложен и заключен в тюрьму.

Явление девятое

Те же и герцог.

Герцог (*входит*)...так только для того, чтобы вручить его мне, сударыня.

Герцогиня де Монсорель. С каких пор, герцог, вы входите ко мне без доклада и без моего разрешения?

Герцог. С тех пор, как вы нарушили наш договор, сударыня. Вы поклялись, что не предпримете ни единого шага к розыску этого... вашего сына. Только при этом условии я и согласился сохранить ему жизнь.

Герцогиня. Такую клятву, по-моему, столь же благородно нарушить, как и сдержать всякую другую.

Герцог. Итак, мы взаимно освобождаемся от всех наших обязательств?

Герцогиня. А разве до нынешнего дня вы соблюдали их?

Герцог. Соблюдал, сударыня.

Герцогиня. Слышите, тетя? Будьте же свидетельницей.

Де Водре. Но, герцог, неужели вам никогда не приходила мысль, что Луиза не виновна перед вами?

Герцог. Вы, мадемуазель де Водре, конечно, должны так думать. И чего бы только я не отдал, лишь бы разделять вашу уверенность! В распоряжении герцогини было целых двадцать лет, чтобы доказать мне свою невинность.

Герцогиня. Двадцать лет вы наносите моему сердцу удар за ударом, безжалостно, ежедневно. Вы были мне не судьей, вы палач.

Герцог. Сударыня, если вы не вручите мне это свидетельство, вашему Фернану несдобровать. Не успели вы вернуться во Францию и уже исхлопотали этот документ; вы хотите сделать его оружием против меня. Вы хотите наделить вашего сына титулом и состоянием, которые ему не принадлежат; вы хотите ввести его в семью, доброе имя которой хранили в чистоте супруги и матери, в семью, в которой вы первая осквернили святость брака...

Герцогиня. Зато ваш сын Альбер достойно ее представляет...

Герцог. Берегитесь! Не пробуждайте во мне страшных воспоминаний. Из ваших последних слов явствует, что вы не остановитесь перед скандалом, хотя он и покроет всех нас позором. Неужели мы решимся раскрыть перед судом прошлое, в котором, допускаю, я был не безупречен, а вы совершили прямую низость? (*К мадемуазель де Водре.*) Луиза, конечно, не все рассказала вам, тетя? Она любила виконта де Ланжака; я знал это, я относился с уважением к этому чувству. Я был так молод! Виконт сам пришел ко мне; как у младшего в семье, у него не было никаких надежд на состояние; он сказал, что отказывается от Луизы де Водре для ее же блага. Я доверился их благородству, я принял ее чистою из его рук. Ах, я жизнью готов был пожертвовать ради него; и я это доказал! Десятого августа этот несчастный проявил чудеса доблести и тем возбудил ярость в народе. Я поручил его одному из моих слуг. Его все же разыскали, бросили в тюрьму. Узнав об этом, я все деньги, предназначенные для нашего бегства, отдал моему лакею Буляру, уговорил его присоединиться к якобинцам, чтобы вырвать виконта из лап смерти. Я спас его! (*Герцогине.*) И он достойно отплатил мне, не правда ли, сударыня? Я был молод, горяч, опьянен любовью, я не уничтожил его ребенка. И ныне вы платите мне за мою жалость так же, как ваш любовник отплатил за доверие. Ныне положение то же, каким оно было двадцать лет тому назад, с той лишь разницей, что сострадание во мне умерло. И я опять говорю вам: забудьте вашего сына, и он будет жить.

Де Водре. Так, значит, муки, пережитые в течение двадцати лет, по-вашему, ничто?

Герцог. Тяжесть раскаяния – лучшее доказательство тяжести преступления.

Герцогиня. Если вы принимаете мою скорбь за угрызения совести, я снова повторю вам: я не виновата. Нет, сударь, Ланжак не злоупотребил вашим доверием. Он пошел на смерть не только ради своего монарха. С того рокового дня, когда он простился со мною, когда отказался от меня, я его никогда больше не видала.

Герцог. Но вы купили жизнь вашего сына признанием своей вины.

Герцогиня. Разве можно считать признанием сделку, подсказанную ужасом?

Герцог. Отдадите вы мне этот документ?

Герцогиня. У меня его нет.

Герцог. Так я больше не отвечаю за вашего сына, сударыня.

Герцогиня. Хорошо ли вы взвесили свою угрозу?

Герцог. Вы, кажется, меня знаете.

Герцогиня. Но вы-то меня не знаете. Вы больше не отвечаете за моего сына? Берегитесь же за своего! За жизнь Фернана мне ответит Альбер. Если вы следите за моими поступками, отныне и я буду следить за вами; если на вашей стороне королевская полиция, то на моей будет вся хитрость, на которую способна женщина, и божья помощь. Если вы причините вред Фернану, трепещите за Альбера. Удар за удар. Ступайте.

Герцог. Вы здесь хозяйка, сударыня; я забылся, простите меня, виноват.

Герцогиня. Вы благороднее вашего сына; вспыхнув, он никогда не попросит прощения.

Герцог *(в сторону)*. Неужели ее покорность была только притворством и она лишь выжидала удобного случая? О женщина, наставляемая святошами, она прокладывает подземные ходы незаметно, словно огонь вулканов; опасность видишь только тогда, когда он вырвется наружу. У Луизы в руках моя тайна, а ее сын ускользнул от меня; она может воспотржествовать. *(Уходит.)*

Явление десятое

Де Водре и герцогиня де Монсорель.

Де Водре. Луиза, вы любите сына, которого никогда не видали, и ненавидите другого, который у вас перед глазами. Скажите же мне, если вы только дорожите моим уважением и любовью, откуда такая ненависть к Альберу?

Герцогиня де Монсорель. Ни слова больше об этом.

Де Водре. Непонятно, почему герцог так спокойно принимает вашу ненависть к младшему сыну?

Герцогиня де Монсорель. Он уже привык.

Де Водре. Вы не можете быть плохой матерью.

Герцогиня де Монсорель. Плохой? Нет. *(Задумывается.)* Мне слишком дорога ваша привязанность. *(Обнимает де Водре.)* Так знайте: Альбер мне не сын.

Де Водре. Как? Посторонний присвоил себе место, имя, титул, состояние законного ребенка?

Герцогиня де Монсорель. Посторонний? Нет, это *его* сын. После роковой ночи, когда у меня похитили Фернана, мы с герцогом разошлись навсегда. Женщина во мне была не менее жестоко оскорблена, чем мать. Но и за спокойствие мое он тоже взял выкуп.

Де Водре. Я не решаюсь понять ваши слова.

Герцогиня де Монсорель. Я согласилась выдавать за своего сына Альбера, ребенка одной испанской куртизанки. Герцог хотел иметь наследника. Среди потрясений, вызванных в Испании французской революцией, наш обман прошел незамеченным. И не удивительно, что вся кровь во мне закипает при виде сына посторонней женщины, который занял место законного ребенка.

Де Водре. Теперь мне понятны ваши надежды. Ах, как бы я хотела, чтобы вы оказались правы и этот юноша действительно был бы вашим сыном. Луиза, что с вами?

Герцогиня де Монсорель. Он погиб! Я его выдала отцу, и герцог прикажет... Ах, да что же мы медлим? Нужно узнать, где он живет, и известить его, чтобы он не приходил сюда завтра.

Де Водре. Выйти в такой час, Луиза! Да в уме ли вы?

Герцогиня де Монсорель. Надо спасти его во что бы то ни стало!

Де Водре. Что вы хотите сделать?

Герцогиня де Монсорель. Ни вам, ни мне завтра не удастся выйти из дому незамеченной. Необходимо опередить герцога и подкупить мою камеристку прежде, чем он ее подкупит.

Де Водре. Луиза! Неужели вы прибегнете к таким средствам?

Герцогиня де Монсорель. Если Рауль – мой сын, отвергнутый отцом, мой сын, которого я оплакиваю двадцать два года, то пусть все узнают, на что готова несправедливо обвиненная женщина, мать!

Действие второе

Та же декорация.

Явление первое

Жозеф и герцог.

Жозеф (*прибирает комнату; в сторону*). Лег за полночь, встал в такую рань и уже у барыни: неспроста это. Пожалуй, Жак Коллен прав.

Герцог. Жозеф, я дома лишь для одного человека, для господина де Сен-Шарля. Когда он приедет – проводите его сюда. Узнайте, может ли барыня меня принять.

Жозеф уходит.

Внезапное пробуждение в ней материнского чувства, которое я считал угасшим, застало меня врасплох. Надо положить конец нашей распре, до того как она станет заметной для всех. Пока Луиза смиралась со своей участью, мы еще могли жить бок о бок; но если вчерашняя сцена повторится, все пойдет прахом. В чужой стране я мог властвовать над женой; здесь единственная моя сила – собственная моя ловкость да поддержка властей. Я все расскажу королю, я представлю свое поведение на его суд, и герцогине де Монсорель придется подчиниться. Однако подождем еще немного. Если агент, которого ко мне пришлют, достаточно опытен, он в короткий срок проведаст, в чем причина ее вчерашнего бунта: и я узнаю, стала ли герцогиня просто жертвой случайного сходства, или же она виделась с сыном после того, как спасла его, и, следовательно, дурачила меня целых двадцать лет. Нынче ночью я погорячился. Надо вести себя более сдержанно, тогда она станет доверчивей и выдаст свои тайны.

Жозеф (*входит*). Ее светлость еще не звонили.

Герцог. Хорошо.

Явление второе

Жозеф, герцог и Фелисите.

Герцог (*для вида рассматривает вещи, лежащие на столе, и в одной из книг находит письмо*). Инессе де Крестоваль. (*Встает.*) Зачем жене было прятать такое пустячное письмо? Оно написано, несомненно, после нашей ссоры. Не идет ли здесь речь об ее Рауле? Это письмо не должно попасть в дом Крестовалей!

Фелисите (*ищет в книге письмо*). Где же барынино письмо? Уж не забыла ли она?

Герцог. Вы письмо ищете?

Фелисите. Ах! Да, ваша светлость.

Герцог. Не это ли?

Фелисите. Это самое.

Герцог. Как же вы собираетесь уйти из дому, когда вы каждую минуту можете понадобиться герцогине? Ведь она сейчас встает.

Фелисите. При ее светлости – Тереза. А иду я по собственному распоряжению ее светлости.

Герцог. Ну, хорошо, хорошо. Впрочем, это и не мое дело!

Явление третье

Герцог, Жозеф, Сен-Шарль и Фелисите.

Жозеф и Сен-Шарль входят, внимательно приглядываясь друг к другу.

Жозеф (*в сторону*). От его взгляда мне становится не по себе. (*Герцогу.*) Кавалер де Сен-Шарль.

Герцог знаком показывает, чтобы Сен-Шарль подошел, и пристально смотрит на него.

Сен-Шарль (*подает герцогу письмо; в сторону*). Известно ему мое прошлое или он просто хочет воспользоваться услугами Сен-Шарля?

Герцог. Дорогой мой...

Сен-Шарль (*в сторону*). Нет, я для него всего-навсего Сен-Шарль.

Герцог. Мне рекомендовали вас как человека, чье искусство на поприще более высоком назвали бы гениальностью.

Сен-Шарль. Ваша светлость, предоставьте мне случай, и я постараюсь оправдать эти лестные для меня слова.

Герцог. Предоставлю и немедленно.

Сен-Шарль. Что прикажете?

Герцог. Видите эту девушку? Она сейчас выйдет из дому, сам я не хочу ей препятствовать. Однако она не должна переступить порога моего дома впредь до нового распоряжения. (*Зовет.*) Фелисите!

Фелисите. Что угодно?

Герцог отдает ей письмо; она уходит.

Сен-Шарль (*Жозефу*). Я тебя знаю, мне вся твоя подноготная известна. Девушка эта не должна вынести из дому письмо! Сумеешь это устроить – так я тебя снова не знаю и вообще ничего ведать не ведаю. Если будешь хорошо себя вести – оставлю тебя в этом доме.

Жозеф. С одной стороны – этот, а с другой – Жак Коллен! Что ж, постараемся на совесть служить обоим! (*Бежит вдогонку за Фелисите.*)

Явление четвертое

Герцог и Сен-Шарль.

Сен-Шарль. Готово, ваша светлость. Не желаете ли познакомиться с содержанием письма?

Герцог. Но, дражайший, вы обладаете прямо-таки волшебным, страшным могуществом!

Сен-Шарль. Вы предоставляете нам неограниченную власть, а мы только умело ею пользуемся.

Герцог. И вы ею не злоупотребляете?

Сен-Шарль. Это немыслимо. Нас стерли бы с лица земли.

Герцог. Но как можно столь драгоценные таланты применять в такой области?

Сен-Шарль. Нам не удастся переменить сферу деятельности по многим причинам: мы покровительствуем нашим покровителям, нам доверяют слишком много благородных тайн и скрывают от нас слишком много постыдного, и понятно, что нас не любят. Мы оказываем такого рода услуги, за которые расплачиваются лишь презрением. Сначала требуют, чтобы самые высокие, как и самые низкие, понятия стали для нас пустыми словами: щепетильность – просто глупостью, честь – условностью, предательство – дипломатией. Мы пользуемся доверием и тем не менее о многом обязаны догадываться сами. Мыслить и действовать, догадываться о прошлом, изучая настоящее, исподволь, незаметно подготавливать будущее, как я только что сделал, – такова наша программа. Даже у самого талантливого человека опустились бы руки. Когда же цель достигнута, слова снова становятся реальными понятиями, ваша светлость, и тогда бывший наш клиент начинает подозревать, что мы, пожалуй, способны и на подлость.

Герцог. Все это, дражайший, быть может, и не лишено справедливости. Но вы не собираетесь, надеюсь, заставить свет и меня изменить на сей счет наше мнение?

Сен-Шарль. Я уж не так безнадежно глуп, ваша светлость. Не чужое мнение хотел бы я изменить, а свое собственное положение.

Герцог. И, по-вашему, сделать это не так уж трудно?

Сен-Шарль. А как же, ваша светлость? Пусть только мне поручат проникать не в семейные тайны, а в тайны министров, следить не за простыми ворами, а за хитрейшими дипломатами, не обслуживать мелкие страстишки, а служить правительству. И я буду горд и счастлив своим незаметным участием в великих делах... А какой бы, ваша светлость, у вас был преданный слуга!

Герцог. Мне очень прискорбно, дорогой мой, что обстоятельства вынуждают меня использовать столь великие таланты в столь узкой сфере, но я и здесь сумею вас оценить. А там видно будет.

Сен-Шарль (*в сторону*). Ах, так... Видно будет? Ну, а я уже и сейчас все вижу.

Герцог. Я собираюсь женить сына...

Сен-Шарль. На мадемуазель Инессе де Кристоваль, принцессе Архосской. Прекраснейшая партия! Ее отец имел неосторожность служить Жозефу Буонапарте⁴ и теперь изгнан королем Фердинандом. Уж не замешан ли он в мексиканской революции?

Герцог. Госпожа де Кристоваль и ее дочь принимают у себя одного авантюриста по имени...

⁴ Жозеф Буонапарте (1768–1844) – старший брат Наполеона, возведенный им на испанский престол в 1808 году и правивший до 1813 года, когда на престоле был восстановлен Фердинанд VII. Противники Наполеона умышленно произносили его фамилию на итальянский лад – Буонапарте, чтобы подчеркнуть, что он не француз, а итальянец.

Сен-Шарль. Рауль де Фрескас.

Герцог. Как? Вам уже все известно?

Сен-Шарль. Если вашей светлости угодно, я ничего ведать не ведаю.

Герцог. Наоборот, говорите, я должен знать, какие тайны вы милостиво оставляете на нашу долю.

Сен-Шарль. Условимся об одном, ваша светлость: когда моя откровенность вам будет не по душе, зовите меня тогда кавалером, – и я вернусь к скромной доле наемного наблюдателя.

Герцог. Продолжайте, дорогой мой. (*В сторону.*) Забавные люди!

Сен-Шарль. Господин де Фрескас станет авантюристом лишь в тот день, когда не сможет больше вести образ жизни человека, имеющего сто тысяч франков дохода.

Герцог. Кто бы он ни был – вы должны разгадать тайну, которою он себя окружает.

Сен-Шарль. Нелегкое поручение, ваша светлость. В отношении иностранцев мы обязаны действовать осмотрительно, иностранцы здесь хозяева⁵, они перевернули весь Париж вверх дном.

Герцог. Да, истинное бедствие!

Сен-Шарль. Разве ваша светлость в оппозиции?

Герцог. Мне просто хотелось бы, чтобы король вернулся без всей этой свиты, – только и всего.

Сен-Шарль. Королю пришлось уехать, ваша светлость, лишь потому, что опрометчиво разогнали великолепную, не хуже азиатской, полицию, созданную Буонапарте. Нынче ее ряды хотят пополнить только порядочными людьми – прямо хоть в отставку подавай. Военная полиция союзников ставит нам препятствия на каждом шагу, мы не смеем никого арестовать, из страха, как бы невзначай не наложить руку на какого-нибудь принца, занятого любовной интрижкой, или на какого-нибудь подгулявшего маркграфа. Но для вас, ваша светлость, будет сделано все – даже невозможное. Есть у этого молодого человека какие-нибудь пороки? Он игрок?

Герцог. Да, играет – в свете.

Сен-Шарль. Честно?

Герцог. Кавалер!

Сен-Шарль. Вероятно, этот молодой человек очень богат?

Герцог. Вот вы и узнайте.

Сен-Шарль. Простите, ваша светлость. Но без помощи страстей нам мало что удастся разузнать. Быть может, ваша светлость соблаговолит сказать мне – искренне ли любит вышеназванный молодой человек мадемуазель де Кристоваль?

Герцог. Принцессу! Богатую наследницу! Я начинаю разочаровываться в вас, дорогой!

Сен-Шарль. Но ведь вы сами изволили сказать, что речь идет о *молодом* человеке. Впрочем, любовь притворная куда изысканнее любви истинной. Вот почему женщины так часто обманываются. Остается предположить, что он, вероятно, бросил нескольких любовниц, а порвать узы сердца – значит развязать язык.

Герцог. Будьте осторожны. Мое поручение необычное, не впутывайте сюда женщин. Малейшая нескромность с вашей стороны лишит вас моего благоволения. Все, что касается господина де Фрескаса, должно навеки остаться между мною и вами. Я требую от вас полнейшей тайны – как в отношении тех, чьими услугами вы пользуетесь, так и в отношении тех, кто пользуется вашими услугами. Словом, если моя жена заподозрит вас хотя бы на минуту, – вы погибли.

⁵ ...иностранцы здесь хозяева – намек на то, что Людовик XVIII был возведен на престол Франции при поддержке иностранных армий.

Сен-Шарль. Значит, ваша супруга интересуется этим молодым человеком? Значит, наблюдать и за нею? Ведь эта девушка – ее камеристка?

Герцог. Милостивый государь! Кавалер де Сен-Шарль! Приказать вам следить за женой – недостойно меня, спрашивать об этом – не совсем достойно вас.

Сен-Шарль. Ваша светлость, мы прекрасно понимаем друг друга! Какова же главная цель моих ближайших розысков?

Герцог. Выяснить: Рауль де Фрескас – настоящее имя этого молодого человека или нет? Выяснить, где он родился, раскопать все его прошлое, и храните все это свято, как государственную тайну!

Сен-Шарль. Дайте мне сроку только до завтра, ваша светлость.

Герцог. Что ж, срок не велик.

Сен-Шарль. Зато, ваша светлость, велик... счет.

Герцог. Не думайте, что я хочу узнать непременно что-нибудь дурное. Вы, господа, обычно потакаете страстям, вместо того чтобы разобраться в них; вы предпочитаете выдумать всякие небылицы, лишь бы не признаться, что вам нечего сказать. Я был бы очень рад узнать, что у этого молодого человека есть семья...

Входит маркиз; заметив, что отец занят, он делает вид, будто хочет уйти. Герцог жестом останавливает его.

Явление пятое

Те же и маркиз.

Герцог (*продолжает*). Если господин де Фрескас – дворянин, если принцесса Архосская предпочитает его моему сыну, то маркиз отступится.

Маркиз. Но я люблю Инессу, папа.

Герцог (*Сен-Шарлю*). Прощайте, дорогой мой.

Сен-Шарль (*в сторону*). Женитьба сына его не интересует, жену он уже не ревнует. Тут кроется что-то посерьезнее: либо я пропал, либо счастье мне вновь улыбнулось. (*Уходит.*)

Явление шестое

Герцог и маркиз.

Герцог. Женитьба на женщине, которая вас не любит, — это непоправимая ошибка, Альбер, и, пока я жив, вы не совершите ее.

Маркиз. Но почему вы думаете, папа, что Инесса отвергает мои чувства? Кроме того, если она станет моей женой, я постараюсь добиться ее любви, и, право же, я смею надеяться на успех.

Герцог. Позвольте вам заметить, сын мой, что подобные солдатские замашки в данном случае совершенно неуместны.

Маркиз. Во всяком другом вопросе, отец, ваше слово для меня непреложный закон. Но каждое поколение любит на свой лад. Умоляю вас, не медлите с нашей свадьбой. Инесса, как и подобает единственной дочке, очень своенравна. Поэтому благосклонность, с которой она принимает ухаживание какого-то авантюриста, должна бы вас тревожить. Право, не понимаю, почему вы так холодны сегодня. Не говоря уже о моей любви к Инессе, — где мне сыскать лучшую партию? Я стану, как и вы, испанским грандом; больше того — принцем. Папа, неужели вас не радует это?

Герцог (*в сторону*). Сказалась материнская кровь! О, Луиза сумела разгадать мое уязвимое место. (*Вслух.*) Знайте, сударь, что нет ничего выше славного имени герцога де Монсореель.

Маркиз. Я обидел вас?

Герцог. Довольно! Вы забываете, что я сам подготовил этот брак, еще когда был в Испании. Имейте, однако, в виду, что госпожа де Крестоваль не может выдать Инессу без согласия отца. Мексика только что провозгласила свою независимость⁶, и вполне понятно, что из-за этой революции ответ задерживается.

Маркиз. Ну так ваши планы, папа, будут расстроены. Вы, значит, не заметили, что произошло вчера у испанского посла? Мама явно покровительствовала этому Раулю де Фрескасу; а Инесса была ей за это признательна. Сказать вам, что я понял только вчера, хотя втайне подозревал уже давно? Мама ненавидит меня! И... признаюсь в этом лишь вам, папа, потому что люблю вас: я боюсь, не участвует ли мама во всем этом?

Герцог (*в сторону*). Вот я и пожинаю то, что посеял. Ненависть так же притягивает людей друг к другу, как и любовь. (*Маркизу.*) Альбер, вы не должны судить поступки вашей матери, вы не можете ее понять. Она видит, как я слепо люблю вас, и старается противопоставить моей слабости суровость. Я не желаю в другой раз слышать таких речей, — и покончим на этом. Сегодня вы дежурный во дворце, поезжайте туда скорее. Я попрошу, чтобы вас отпустили на вечер, так что вы сможете поехать на бал и увидеться с принцессой.

Маркиз. Нельзя ли мне сейчас повидаться с мамой? Мне хочется умолить ее поддержать мою сторону перед Инессой. Ведь Инесса должна быть у нее сегодня утром.

Герцог. Узнайте, принимает ли она, я сам ее дожидаюсь.

Маркиз уходит.

Все разом обрушилось на меня. Вчера посол у меня спросил, где именно умер мой старший сын. Нынешней ночью мать уверяет, что нашла его. А сейчас сын Хуаны Мэндес тоже наносит мне удар. Ах, Инесса сердцем чувствует истину! Нельзя безнаказанно нару-

⁶ Мексика... провозгласила свою независимость. — Мексика, бывшая испанская колония, отделилась от Испании и провозгласила свою независимость в 1821 году.

шать законы; природа столь же беспощадна, как и свет. Хватит ли у меня сил, даже при поддержке короля, направлять ход событий?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.